

- Леонид Алексеевич, откуда он взялся на телеэкране, этот другой Филатов? Со складками у рта, морщинами на лбу, с мучительными попытками разобраться в логике судьбы и смерти актеров, таких любимых при жизни и так быстро исчезающих из памяти?

- Да он, наверное, существовал всегда. Просто всему свое время. Видимо, я старею - на смену сарказму приходит сентиментальность. Я не разделяю оптимизма многих, которые сегодня кричат: "Подумаешь, культуру убили, растащили, развалили образование! Россия - великая страна, все снова родит!" Это пустословие, которое ничего под собой не имеет, кроме попытки защитить творящееся безобразия. И, наверное, будь я по масштабу гений, я бы относился к происходящему спокойнее, не было бы паники. Но я отчетливо понимаю, что гением не являюсь, и отсюда - какой-то временный стресс, нормальная реакция нормального человека на происходящее. Начиная думать, что все состоит не только из белых и красных. Что был и останется над ними, например, композитор Римский-Корсаков. Но, с другой стороны, был ведь и совсем скромный композитор Борис Мокроусов. Кто вспоминает о нем теперь? Уходит из жизни Олег Иванович Борисов - и мне кажется, что вся страна должна замереть в скорби, что должен быть национальный траур, чтобы все задумались, какой человек от нас ушел. Ничего подобного... Живя в такой забывчивой стране, задумываешься: а как же люди? Как они жили, как умирали, совсем мало успев сделать? И их обязательно нужно вспоминать, хотя бы просто для того, чтобы порадовать их родных, верить в том, что мир - все-таки не окончательная скотина... И потом, что останется и от тебя самого и как к тебе потом отнесутся? Ведь не хотелось бы, чтобы уже после смерти тебя тревожили лопатой...

- Но вы ведь и сами тревожите?

- Нет, я стараюсь не тревожить. Одно дело, когда, как Шевченко, помните - "Помняте незлым тихим словом". И совсем другое, когда покойный Карабчиевский так трогал Маяковского, как уже не имел права живой трогать мертвого. Есть же предел, есть барьер, за который нельзя заходить - иначе тебя утягивает туда же. Так ведь и получилось. Да и с самим Маяковским тоже - как он тревожил прах Есенина! "Можно или нельзя, хорошо или плохо? Самоубийца! Алкоголик!" И что же? Покончил с собой, и пяти лет не прошло, - не алкоголик, совсем даже не пьющий. Значит, так нельзя, нужно как-то иначе.

- Вряд ли к подобным раздумьям приходят просто так, должен быть какой-то

Имя Леонида ФИЛАТОВА долгие годы рождало привычную цепь ассоциаций: романтическая Таганка в ореоле борьбы против застоя и за Любимова, песни в соавторстве с Владимиром Качаном, популярные почти как песни Окуджавы или Высоцкого, холодный герой с намеком на секс-символ в несексуальное для страны время (роль в "Экипаже"), скomorошество Федота-стрельца. И вдруг телевидение представило нам Филатова в новой ипостаси - автора и ведущего, может быть, лучшей художественной программы последнего времени, цикла передач "ЧТОБЫ ПОМНИЛИ".

Счастье умереть не дураком

внутренний импульс, толчок. Что это было у вас? Мысли о собственной смерти?

- Скорее всего. Некий физиологический эгоизм, потому что человек всегда в первую очередь думает о себе. И даже некие чувства в отношении других тоже извлекаются именно из этого.

- А нет ли и другого ощущения: что все, когда-то сделанное, сегодня в прошлом? Что осталось имя, которое у сегодняшнего зрителя уже мало с чем ассоциируется, а еще лет через пять... Как будто ехал человек в поезде, в первом классе и вдруг проснулся на рельсах, а в роскошном купе путешествует дальше только паспорт.

- Конечно, дело ведь не только в мыслях о биологической смерти, но и о своей никчемности, разумеется. В мыслях о том, на что я провистел свою жизнь, о смысле этой жизни. Другой вопрос - я убежден, что эти мысли все равно мельче, чем мысли о смерти. Тем более что я ведь сказал: я никогда не считал себя гением, наоборот, я довольно быстро себя уговорил, что я есть никто и буду никто. К счастью.

- Вы считаете это счастьем?

- Единственно возможным для меня. Я - за сомнительное для многих счастье умереть не дураком. Понимая, кто есть я, слыша и осознавая все, что происходит вокруг, не теша себя иллюзиями. И когда вы так недоверчиво переспрашиваете, я понимаю, что вы хотите узнать: "Не кокетство ли это, правда ли я так думаю?" Да какая разница! Поймите, мне всегда выгоднее прикинуться лопухом, нежели орхидеей! Выгоднее для себя же самого.

- Вряд ли ваши представления о счастье разделяют многие.

- Естественно. И чем меньше вокруг меня остается людей сегодня, тем больше я счастлив, потому что четко ощущаю - взгляды этих оставшихся нескольких человек практически полностью совпадают с

моими взглядами на основные вещи. А вот господин Золотухин, например, может совершенно беззастенчиво считать себя профессиональным литератором. И писать в дневниках о том, что Высоцкий и запил-то потому, что прочел какую-то повесть Золотухина и понял, что сам он, Высоцкий, так никогда не сможет. Лет десять назад, когда народ еще не был занят исключительно заботами о своем желудке и иногда что-то почитывал, ему бы за эти дневники просто оторвали голову. Теперь можно, тем более что свидетелей этой живописной сцены не существует, некому ни подтвердить, ни опровергнуть. Высоцкий - что ему, он уже там. Нам же, живым, противно. Золотухин считает себя вправе такое писать. Что ж, ему, конечно, тяжело будет себя уговорить, что он - никто.

- Из ваших слов получается довольно грустная, даже трагичная картина сегодняшнего мироощущения. Но должно же быть хоть что-то, что удерживает вас, чтобы не свалиться?

- А как же! Есть жена, сын. Есть эта работа на телевидении. Мои индивидуальные письменные работы, которые, правда, пока не имеют очертаний. Я не знаю, во что это выльется, захочется мне этим заниматься дальше или нет, а потом захочется ли кому-то это печатать. Я ведь всегда относился ко всему, кроме основной своей профессии - актерской, - как к развлечению. Которым можно поделиться, если окружающие просят, проявляют интерес. Мне и в голову не придет заваливать редакции рукописями. Что я, Тютчев что ли? В общем, я не определился пока со своим будущим. Понимаю, что этот период скоро должен кончиться, но пока ничего не предпринимаю, существую довольно празднично. Пережидаю, болею, ленюсь.

- Вы как-то вскользь упоминаете о болезни. А все-таки, что с вами случилось? Вы ведь болели серьезно, долго лежали в больнице.

- Ну, это неинтересная история.

- Другого ответа от вас, наверное, и не стоило ожидать.

- Да нет, это действительно неинтересная история. Я бы и сам был счастлив, если бы мой язык выговорил: "во всем виноваты..." - и дальше шел бы список людей, к которым у меня определенное отношение. Но, во-первых, много было бы им чести, если бы я из-за них окоурился. А во-вторых... Знаете, я лучше посмертно повешу нескольких собак на нескольких людей - оставлю в ящике письменного стола. А сейчас давать им надежды не хочу. Происходят просто определенные гадости, огорчения, я нервничаю. Кого в этом винить? Жизнь? Так ведь это давно известно - "жить вредно, от этого умирают". Видите, в самом деле неинтересно.

- А вы верите, что после этой жизни будет что-то еще?

- Конечно. Для меня загадка, что остаются еще люди, которые в это не верят.

- И тем не менее вы позволяете себе довольно жесткие, скажем так, суждения о людях, оценки?

- Наверное, я неправильно делаю. И понимаю это в ту же секунду. Этот соблазн дать сдачи мгновенно, он не приводит к хорошему. Оскорбить кого-то, кого бы то ни было обидеть, пусть даже плохого, - это все равно что стать плохим самому.

- По мнению многих, и болезни происходят как раз от этого, от внутреннего несовершенства человека...

- Да, я знаю... От того, что человек перекладывает вину за происходящее с ним на чьи-то плечи. И это вроде бы помогает. А на самом деле - нет. Не может один человек не любить многих. Я пытаюсь этого не допускать. Но иногда потрафляю этой своей слабости. Наверное, для меня было бы лучше, если бы я был таким старцем из Оптиной Пустыни, который все понимает и всех прощает. Но есть какие-то умозрительные, желаемые вещи. А есть неизбежные. Ведь русские люди вообще - самоистребительная нация. И я понял, что принадлежу к числу самоистребительных людей. Не то, чтобы мне этого хотелось, - совсем нет. Но есть во мне что-то такое... Надо много всего и сразу - и пусть будет коротко.

- А у вас было это "много и сразу"?

- Всегда было. Я всегда что-то начинал, делал и получал результат. Другое дело, что и этого "много" оказывалось мало, и результат мог бы быть и выше. Что ж, при моем несовершенстве мне хватало.

Владимир МАРТЫНОВ,
Юрий ЗУБЦОВ
Фото Сергея Хальзова